

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ПРИГЛАСИ В ДОМ
ПРИЗРАКА

Екатерина Николаевна Островская
Пригласи в дом призрака
Серия «Женское лицо частного сыска.
Детектив Вера Бережная», книга 9
Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55158297
Пригласи в дом призрака: Эксмо; М.; 2020
ISBN 978-5-04-109194-1

Аннотация

В розыскное агентство Веры Бережной обращается крупный бизнесмен Павел Волохов с просьбой найти девушку, с которой он познакомился в баре. Он пригласил незнакомку к себе домой и теперь не может вспомнить, что произошло дальше. А наутро девушка исчезла из запертой квартиры, не оставив никаких следов... Бережная пытается узнать о новом клиенте как можно больше и выясняет, что тот ведет крупный бизнес в США, но под другой фамилией. И за последнее время при странных обстоятельствах погибли несколько его деловых партнеров. Павел Волохов серьезными отношениями с женщинами себя не связывает: у него две постоянных любовницы, но он готов порвать

с обеими, если Вера ответит на вспыхнувшее в нем внезапно чувство...

Содержание

Пролог	7
Глава первая	16
Глава вторая	25
Глава третья	30
Глава четвертая	41
Глава пятая	45
Глава шестая	62
Глава седьмая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Екатерина Островская

Пригласи в дом призрака

© Островская Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню – а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведением только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными вымышленными мирами Екатерина использует для восстано-

ния справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не буде – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Пролог

Сначала путешествие казалось небольшой увеселительной прогулкой. Шесть человек, включая двух проводников, продвигались на запад на трех «уазиках». Скорость движения была небольшой – ехать пришлось по грунтовым дорогам, и не оборудованные кондиционерами салоны внедорожников очень скоро заполнялись пылью, не дававшей дышать, да и лобовые стекла покрывало грязью, больше похожей на слой асфальта, которого так не хватало дорожному покрытию. Все свободное пространство автомобилей занимали канистры с водой, но вода заканчивалась быстро, потому что надо было постоянно заправлять бачки с омывателем стекол. Канистры пустели, и если бы не встречающиеся на пути речки и речушки, то путешественникам пришлось бы совсем туго. Речки преодолевались вброд, причем где находились эти переезды, не знали и проводники, а потому на поиск каждой переправы уходило несколько часов.

С наступлением сумерек машины останавливались, путешественники разбивали небольшой лагерь – две большие палатки для белых людей, и совсем маленькую палатку ставили для себя проводники.

За первые три дня удалось преодолеть едва ли полторы сотни километров, но потом дороги закончились и пришлось ехать по степи, которая казалась натянутым в пространстве

полотнищем, качаемым никогда не смолкающим ветром.

На седьмой день путешествия один внедорожник был потерян при очередной переправе. Идущий первым «УАЗ» въехал в мелкую, казалось, речушку и едва добрался до ее середины, как провалился передним левым колесом в глубокую яму, завалился набок, а потом его потащило течение, переворачивая и ударяя о выступающие из воды камни. И почти сразу «уазик» скрылся под водой. Одна из идущих следом машин остановилась, из нее выскочили два человека и помчались вдоль берега, рассчитывая помочь тем, кто остался в головном автомобиле. А третий «УАЗ», обгоняя людей, ехал вдоль течения, потом вошел в поток и мчал уже по его краю, выбрасывая из-под колес брызги и мелкие камни.

Утонувшая машина вновь показалась на поверхности и даже остановилась на несколько мгновений, очевидно уткнувшись в подводный валун. Дверь возле водительского кресла была открыта и водитель смог выбраться из салона, но его тут же подхватило и потащило течение. Над поверхностью была видна только голова в мокрой бейсболке. Из машины, мчавшейся по воде вдоль берега, выскочил еще один путешественник, который, рискуя быть подхваченным потоком, зашел по пояс в воду и бросил своему другу веревку с петлей на конце — ловко, как делают ковбои, пытаясь выхватить из стада бычка. Уносимый течением человек поймал эту петлю, и его спаситель вместе с подбежавшим проводником вытащили бедолагу на берег. «УАЗ» тем временем течение

потащило дальше, но теперь над водой виднелась его крыша и двери с выбитыми стеклами. Не было заметно только находившегося внутри проводника. Оставив спасенного на берегу, двое снова метнулись к своему автомобилю, который тут же понесся по самому краю течения.

К месту переправы «УАЗ» вернулся только через полтора часа. Проводника из первой машины удалось вытащить, однако сама машина, унесенная потоком, была потеряна вместе с палаткой, карабином, дизельным генератором, которые выбросило из автомобиля, когда его переворачивал поток. Удалось спасти только две двадцатилитровые канистры с бензином.

Спасенный проводник грелся у костра и молчал, как и второй. На лицах обоих не было заметно решимости продолжать путешествие. Трое участников экспедиции переговаривались неспешно, планируя дальнейшие действия. Четвертый – самый возрастной в этой компании – казалось, не слушал их, но потом, когда начали устанавливать палатки, твердо произнес:

– Парни, мне это надоело! Я сразу не сомневался, что это авантюра. А вы с самого начала назвали сумму, необходимую для вашего проекта. Такой кредит для нашего банка – неподъемный. Потом вы попросили открыть вам кредитную линию под обеспечение. И при этом обозначили еще большую сумму...

Мужчина покосился на проводников и немного понизил

ГОЛОС:

– Туземцы точно не понимают английского?

– Точно, – подтвердил один из его спутников, – они говорят лишь по-монгольски, а понимают еще русский и дархатский.

– Какой? – не понял немолодой мужчина.

– Язык дархатского народа. Потомки когда-то обитавшего на этой земле древнего племени. Непобежденные воины и могущественные шаманы... Хан Ордос Хубилай семьсот пятьдесят лет назад установил посреди степи юрту, принадлежавшую Чингисхану, и поместил в нее рубашку, которую носил великий завоеватель. Он назвал эту юрту мавзолеем Чингисхана и обязал все дархатские роды и их потомков охранять это место. Джекоб, мы движемся по священным землям этого народа, и наши проводники не уверены, что мы все доберемся до места живыми и невредимыми.

– Понял, – кивнул его собеседник, – я не верю в сказки и древние легенды. Но вы представили свою продукцию, а наши эксперты не смогли определить место добычи руды, сказав, что семипроцентное содержание в ней металла – выше того, что имеется в уже разработанных рудниках.

– У нас добыча ведется карьерным способом, – подключился к их беседе тот, которого вытащили из «уазика», унесенного течением.

– Я это знаю, Рассел. Но только из ваших рассказов, а потому теперь я здесь вместе с вами. Я отправился сюда лишь

для того, чтобы проверить ваши слова. Решение об открытии кредитной линии приму я... То есть кредитный департамент, который я возглавляю. Но последнее слово все же за моим тестем, возглавляющим наш банк. Вы сказали, что добираться придется неделю, но семь дней уже прошли. Скажите честно, сколько еще ехать?

– Если не будет дождей, то пять-семь дней, – ответил Рассел и обернулся к тому, кто спас его несколько часов назад, – не так ли, Пол?

– Возможно, – уклончиво ответил тот.

Немолодой американец задумался, а потом кивнул:

– О'кей. Пусть будет еще неделя. Мой спутниковый телефон работает с большими перебоями, возможно, оттого, что компания «Иридиум», создавшая его, перед самым началом нашего похода заявила о своем банкротстве. Если мы останемся без связи, вы понимаете, чем это может нам грозить?

– Ничем, – ответил Пол, – Если вы рассчитывали по телефону вызвать вертолет для вашей экстренной эвакуации...

– Для нашей, – поправил его Джекоб.

– Американское посольство вам его не пришлет в любом случае. А местные авиалинии здесь отсутствуют. В случае потери всех наших автомобилей, двигаться к месту назначения или обратно придется на лошадях.

– Ты серьезно?

С рассветом переправились на другой берег, причем без

происшествий и очень быстро. Но по высоким травам двигались все так же медленно, как и в предыдущие дни. А еще через день главным препятствием на пути стали не травы, а многотысячные отары овец, которые не давали машинам проехать. Приходилось подолгу стоять, дожидаясь, когда появятся пастухи и отгонят животных, но те не спешили. Иногда, правда, показывались над овечьими спинами маленькие фигурки на низкорослых лошадках, но пастухи как будто не замечали застрявшие в их стадах «УАЗы».

Так было и на следующий день, и в день, который пришел после него. Стада овец не уменьшились, а стали только увеличиваться. Овцы теперь заполняли все бескрайнее пространство великой степи. За три дня удалось продвинуться едва ли на двадцать километров. Так пришли очередные сумерки, наполненные запахом трав и многотысячным блеянием овец.

Вечером оба проводника исчезли, но пропадали они не долго. Вернулись и принесли живого барана со связанными ногами. Барана зарезали. Джекоб при этом скрылся в палатке и долго сидел там, зажав уши ладонями, чтобы не слышать крики животного. Появился он, лишь учуяв запах испеченного на углях мяса. Вернулся к костру, принял участие в общей трапезе и даже не отказался от предложенного стакана с монгольской водкой.

Опьянел он быстро – начал заваливаться то в одну сторону, то в другую, упав на бок, выругался, а потом начал сме-

яться. Наконец Джекоба усадили, подставив под спину две спортивные сумки, набитые его же одеждой. Он посмотрел на усыпанное зелеными звездами необъятное небо, а потом вздохнул.

– Я понимаю, что мне конец, – произнес он, – не знаю, парни, кто вы и откуда взялись, но мне кажется – я даже уверен в том, что вы прибыли из той бездны... – он показал на небосвод, – чтобы затащить меня в пространство, где остановилось время. Оно остановилось здесь тысячи лет назад. В других местах есть хайвеи, города с небоскребами, цивилизация, океаны и моря с пляжами и барами на побережье. Там даже фильмы с Грейс Келли кажутся глубокой древностью. А здесь ни воды, ни людей... Только шаманы, превратившие свой народ в овец, чтобы не позволить нам вернуться в привычный мир. Что вы хотите от меня, парни? Насколько я понимаю, деньги для вас не самое главное. Если не деньги, то что?

– Доверие, – ответил Пол, – мы прекрасно знаем, что ваш банк не может предоставить необходимую нам сумму. Но вы все же ведете переговоры и даже подписали с нами протокол о намерениях. Значит, финансовая сторона для вас не проблема. Можно не сомневаться: у вас есть частные инвесторы, которых интересует сверхбыстрая прибыль на коротких деньгах. Но, во-первых, быстрый возврат капиталов – пока под вопросом. А во-вторых, у нас есть обязательства перед руководством этой страны, на территории которой мы ведем

добычу и обогащение руды.

– Перед каким правительством? – рассмеялся Джекоб. – Где вы его видите?

Он посмотрел на начинающих дремать проводников.

– Что могут эти люди? Они даже не следопыты: не могут доставить нас на место. Они и не пастухи, потому что не в состоянии разогнать овец. Может, они шаманы? Так пусть наколдуют, чтобы мы завтра оказались на месте и все там решили.

– Мы решим все здесь и сейчас, – произнес Пол и оглянулся на проводников.

– Хорошо, – согласился Джекоб, – я готов решить все прямо сейчас. И тогда никакое правительство никогда ни о чем не узнает.

– Но почему же не узнает? – на очень хорошем английском произнес внезапно очнувшийся один из проводников. – Мы с товарищем Борджигином представляем «Тагнуулын ерөнхий газар» – главное разведывательное управление Монгольской Народной Республики. Мы уполномочены предварительно рассмотреть вопрос о допуске иностранных банков в финансирование разработки недр нашей страны. Но предлагаю это сделать не сейчас, а завтра, когда прибудем на место.

– Завтра? – не поверил Джекоб, которого удивило только то, что именно завтра их экспедиция закончит свой поход. – Ну, хорошо. Пусть это будет завтра, а сегодня я и в самом деле не готов обсуждать серьезные дела. Вероятно, ваша раз-

ведка что-то подмешала в водку, чтобы я стал покладистым. Обещаю: если завтра вы вытащите меня из овечьего плена и доставите на место, то я, так уж и быть, приму все ваши условия. А если мы приедем туда послезавтра, то вы безоговорочно согласитесь на мои.

Джекоба разбудили, когда только начинало светать. Он вышел из палатки и удивился:

– А где овцы?

Он начал оглядываться, но увидел перед собой лишь бескрайнюю равнину.

– Посмотри на северо-восток, – посоветовал один из проводников, – видишь горную гряду? Это Баатар-Хайрхан. А белая точка на ней – вершина Мунх-Цаст, четыре тысячи метров высотой. Но мы не станем подниматься, мы даже не доедем до нее. Будем стоять рядом и задирать голову, чтобы увидеть вершину, где водятся снежные леопарды, а под ней – несметные богатства. Прибудем туда к обеду.

Глава первая

Он вошел в ее кабинет так спокойно и уверенно, словно в свой собственный. Подвинул к себе стул для посетителей, опустился на него и только после этого поздоровался. Не похоже, что у этого человека могут быть какие-то проблемы. Серый костюм – не из бутика, а сшитый на заказ и наверняка у очень хорошего портного. И очень дорогого.

– Павел Волохов, – представился посетитель и внимательно посмотрел на Бережную, как будто оценивая ее, – вашу фирму мне рекомендовал Хромов. У меня схожая ситуация.

– Как вы сказали? – переспросила Вера, – Хромов? Не помню такого клиента и дела его тоже.

– Коля Хромой, – уточнил Волохов, – у него не так давно пропал сын. Вы нашли парня и вытащили из неприятной ситуации¹. Не помните, и хорошо. Надеюсь, что и о моей просьбе скоро забудете. После того, конечно, как поможет.

– Я понимаю, вы хотите разыскать близкого вам человека, – начала Бережная, но мужчина покачал головой.

– Абсолютно постороннего, с которым я общался неделю назад. Но теперь не совсем уверен, было ли это общение. Я занимаюсь бизнесом. У меня брокерская контора... Не совсем контора, а брокерский дом – достаточно извест-

¹ Подробности об этом читайте в романе Екатерины Островской «Победитель не получает ничего».

ный. Работать приходится на многих площадках, в основном за рубежом. В Россию я вернулся чуть более полугода назад, а раньше бывал здесь наездами после того, как заработала нефтяная биржа. Это немного не моя тема, но развиваться надо. Живу на Васильевском, офис там же. Иногда приходится засиживаться на работе – торги в мире происходят практически круглосуточно. Когда начинается торговая сессия в Токио или в Гонконге, другие площадки еще... Впрочем, я отвлекаюсь. Неделю назад восточноазиатские биржи немного потрянуло: все думали, что волна цунами пойдет дальше, начнут резко падать котировки... Я тоже так решил, но обошлось. В тот вечер я засиделся почти до полуночи, даже подумал о том, чтобы до утра остаться в офисе. Но потом все вроде устаканилось, и я решил ехать домой. Обычно меня привозит и отвозит водитель, но в тот вечер я его отпустил. Да и потом ехать недалеко, я сам прекрасно вожу машину. Спустился на стоянку и рассчитывал минут через пятнадцать-двадцать сидеть в домашнем кресле, даже представлял, что налью себе рюмку коньяка, чтобы снять усталость.

– Часто выпиваете после работы?

– Чрезвычайно редко, – ответил Волохов, – а в одиночестве – никогда. Почему тогда вдруг подумал о коньяке и сам не знаю. Я уже подъехал к шлагбауму на въезде в жилищный комплекс, где проживаю, и тогда подумал, что не помню, есть ли в доме хороший коньяк.

– Один живете?

– Один. Я не женат. Постоянной любовницы у меня нет. То есть есть, и даже две... Но так уж исторически сложилось. С одной порвал, появилась другая, а потом снова наладились отношения с предыдущей. Каждая из них знает о существовании другой, но не в обиде, потому что у меня с обеими чисто деловые отношения. Они приходят сами, вернее, какая-то из них, когда ей что-то надо, и я помогаю. Неделю назад не предполагал встречаться ни с одной из них. Но продолжаю по существу дела. Я уже въехал в подземный паркинг, подошел к лифту и снова подумал – как раз коньяка в доме, скорее всего, нет. Снова миновал будку охраны и направился в небольшой бар, что располагается совсем рядом со въездом на дворовую территорию. Бар дорогой, а потому никогда полным не бывает. Чаще всего там оттягиваются как раз жители нашего комплекса...

Посетитель замолчал, потом посмотрел на Бережную:

– Не очень утомляю подробностями?

– Пока подробностей не было.

– Зашел внутрь. В зале находилась компания – пять человек: три женщины и двое мужчин. Все мне не знакомы. Я подошел к стойке и попросил бутылку «Хеннеси». Взял ее, повернулся, чтобы уйти, как вдруг заметил за столиком в углу бара еще одну девушку. Там как раз не было света, и она сидела одна. Шляпа с полями – настоящая ковбойская, какие носят в Техасе и называют «Стетсон десять галлонов».

А еще на ней была замшевая курточка с кистями на рукавах: такие встречаются в Штатах на каждом шагу, а тут... Может, потому я заинтересовался, подошел, попросил разрешения сесть.

– Она что-то пила?

– Перед ней стоял коктейльный стакан. Может быть, мохито... Хотя нет – листьев мяты не было... Тогда, вполне возможно, дайкири. Девушка не возражала, я сел, спросил, не хочет ли она, чтобы я ее угостил чем-то. Она ответила, что привыкла сама за себя платить. Но я все равно подозвал бармена и заказал пятьдесят граммов того же коньяка. Сразу скажу, что подобного я не делал уже очень много лет: не навязывался таким примитивным образом, подсаживаясь за чужой столик, когда рядом есть свободные. Но когда я начал с ней общаться, вдруг показалось, что видел ее прежде. И это было странно, потому что с девушками я за последние полгода не знакомился... У вас никогда не было ощущения, что вы не впервые видите человека, а потом мучаетесь, пытаясь вспомнить, где встречали его прежде? Нечто подобное я испытал тогда, да и сейчас продолжаю напрягаться, пытаюсь вспомнить... Что-то неуловимо знакомое: и во внешности, и в манере общаться.

– Долго с ней разговаривали?

– Не говорили вовсе. Мне принесли коньяк, я быстро выпил. Поднялся, чтобы уйти, а потом спросил девушку: «В ваших правилах ходить в гости по ночам, да еще к незнакомым

мужчинам?» Она усмехнулась и покачала головой. А когда я уже направился к выходу, она сказала: «Подождите, я принимаю ваше предложение».

– Она оказалась профессионалкой, а вы не поняли это сразу?

– Нет. То есть она не профессионалка. Она вообще очень молода и спокойна. Мне показалось даже – она делает только то, что решает сама. Мы поднялись ко мне, пока шли и поднимались в лифте, оба молчали. Потом расположились в гостиной и начался разговор. От коньяка она отказалась, но я обнаружил у себя южноафриканское шардоне и налил ей бокальчик.

– Долго разговаривали?

– Не знаю. Я показал ей квартиру, мы даже вышли на крышу, где у меня зимний сад... Все, что помню. Очнулся утром в своей постели. Вспомнил о том, что было накануне. Отправился искать гостью, но ее не было. Причем не осталось никаких следов ее пребывания. Тарелочки, на которые я ночью положил какие-то закуски, были вымыты. Бутылка «Хеннесси», опустевшая меньше чем на половину, и бутылка шардоне стояли в холодильнике. Девушки не было. А это невозможно: дверь моей квартиры открывается-закрывается и снаружи и изнутри только ключом. Но оба комплекта находились в квартире. Один в кармане моего пиджака, второй в тумбочке в спальне.

– Вы провели ночь в одной постели?

– Нет. Думаю, что нет. Я не помню наверняка. Но вторая подушка не была смята. Все выглядело так, словно гостья уложила меня в постель, убрала со стола, вымыла посуду и ушла.

– Третьего комплекта ключей нет?

– Есть, но он у консьержей. С ними беседовали люди из моей службы безопасности. Записи с камер вот здесь.

Волохов достал из кармана флешку и положил на стол.

– На записи видно, как я вхожу в дом с девушкой, лица которой не видно ни с какого ракурса, потому что оно прикрыто полями шляпы. А потом она не выходила вообще. И как она могла выйти без ключа? Такое ощущение, что она спряталась в моей квартире, растворилась в ней и уже неделю живет бок о бок со мной, невидимая и бесшумная. Этого, конечно, быть не может, но в моем сознании эта девушка теперь присутствует постоянно.

Вера вставила флешку в компьютер. На экране появилось полутемное помещение со столиками.

– Мои люди изъяли изображение с камер того бара, но сами видите, что ничего и здесь не разглядеть даже при очень большом приближении.

В полумраке бара Волохова узнать можно было, а девушка, сидящая напротив него, опускала лицо, подставляя камере шляпу с широкими полями и высокой тульей.

– Смешная шляпа, – оценила Вера.

– Принято считать, что шляпа не только спасала от вет-

ра, дождя и пыли. При помощи этой шляпы, размахивая ей, раздували огонь в костре, в ней носили воду.

– В доме ничего не пропало?

– Ничего. Столик, за которым мы сидели в гостиной, тщательно протерт, посуда помыта... Да, была еще пепельница, потому что я решил раскурить сигару, но минут через пять долго пытался погасить ее. Пепельница тоже вымыта, сигарный окурок исчез. Я привозил полицейского эксперта, который должен был найти ее отпечатки пальцев, а потом проверить по базе. Но во всей квартире только мои пальчики.

– Вам не предлагали составить фоторобот?

Посетитель кивнул.

– Ничего не вышло, потому что я хоть и помню ее черты лица, но изобразить его не получается. То, что получилось, там же, на флешке, но предупреждаю, что не уверен... То есть даже уверен, что не похожа.

Вера смотрела на лицо девушки, оно и ей показалось знакомым.

– Надо же, – удивилась она, – мне кажется, что и я ее встречала!

Волохов молчал и пристально смотрел на нее.

– Все, кто видел это изображение, говорили то же самое.

– Похожа на Грейс Келли, – сказала Вера, – помните такую актрису? Потом она стала женой принца Монако.

– Вы первая, кто узнал в ней Грейс Келли. Актриса давно забыта, хотя фильмы с ней иногда показывают по телевидению.

ру... В Штатах, по крайней мере...

Вера молчала и разглядывала изображение на мониторе.

– Хорошо, – произнесла она, – мы возьмемся за это дело. Результат гарантировать не могу, разумеется. Но, все, что сможем...

– Я в любом случае оплачу, – кивнул Волохов, – аванс хоть сейчас переведу.

Пока клиент знакомился с текстом договора, Бережная вызвала в кабинет Окунева и поставила задачу: найти через интернет похожего человека. Если это не удастся, что наверняка и произойдет, искать по куртке и шляпе.

– Мы пытались установить, на чем она подъехала к бару, – сказал Волохов, – но она пришла туда пешком. Искали видео с других камер, но там были слепые зоны, в которых она терялась. Возможно, зная о существовании этих зон, оставила в одной из них свой автомобиль.

– Если хотите, пройдем в мой кабинет, – предложил Егорыч, – посмотрите, как я работаю, а если что-то удастся выловить, то скажете: она или нет.

Оставшись одна, Вера подумала вдруг, что это какой-то розыгрыш. По крайней мере, похоже на чью-то шутку. Но ведь богатый человек готов перевести деньги на счет. Провокация? А кому она нужна? Хотя не прошло и недели, как ее вызывали в прокуратуру для беседы на тему, как нехорошо нарушать частную жизнь российских граждан и гостей нашей страны. Но еще хуже использовать в собственных или

в коммерческих интересах компьютерные программы или иные технические средства.

Глава вторая

Бережная предполагала, что новый клиент, перед тем как покинуть офис разыскного агентства, заглянет к ней, но тот не зашел и не позвонил. Только по истечении часа в кабинет, как всегда, без стука заскочил Окунев.

Вошел и в очередной раз вспомнил о приличиях.

– Прошу прощения, – произнес он, – я, как всегда...

– Я привыкла, – ответила Вера, – но ты хотя бы звонко предупредил, что у тебя срочное дело.

– Срочное не срочное, но я тут поползал по Сети...

– Что удалось узнать о нем?

– О Волохове? – переспросил Егорыч, как будто речь могла идти о каком-то другом человеке. – Достаточно много информации. Но главного нет: он не зарегистрирован ни в одной из социальных сетей. Однако в открытых источниках о нем информации хватает. Начнем с того, что в неполные девятнадцать лет он возглавил паевой инвестиционный фонд. Четверть века назад были такие организации...

– Я в курсе, – не дала договорить Бережная, – скупали акции и ценные бумаги в то время, когда в стране шла приватизация. Ты хочешь сказать, что наш клиент в неполные девятнадцать уже был мошенником?

– Я этого не утверждаю. Но, судя по всему, фонд Волохова был одним из крупнейших в городе. Может быть, даже

самым крупным, и не было никаких скандалов, с ним связанных.

– В девятнадцать лет? – не поверила Вера, – даже если Волохов был подставным лицом, кто мог доверять такому юнцу?

Окунев пожал плечами.

– Неужели не удалось выяснить, кто стоял за ним?

– Сначала генеральным директором фонда «Форвард» был некий Коротич – отставной инструктор горкома партии. Он же был единственным владельцем общества с ограниченной ответственностью. А потом фонд прошел перерегистрацию, став акционерным предприятием закрытого типа, сменил название на «Парус». Но перед этим Волохов получил ровно половину акций. А еще через какое-то время выкупил долю партнера.

– Что стало с Коротичем?

– Перебрался в Канаду на ПМЖ, умер в Торонто два года назад.

– Забыли про него. Теперь расскажи, что удалось узнать о девушке, которой вроде как и не было?

– Пока ничего утешительного для нас и нашего клиента, – признался Егорыч, – я запустил программу распознавания лиц. Похожих выскочило много, да все не те. Но времени прошло всего ничего. Я все же хочу про клиента нашего дополнить. Очень интересная биография у него получается. Четверть века назад возглавил крупный паевой инве-

стиционный фонд, который после перерегистрации стал называться «Парус». Фонд очень активно начал скупать акции прибыльных российских предприятий разных отраслей экономики: нефтегазодобывающей, связи, производства удобрений... Волохов, как я уже упоминал, не только возглавлял этот фонд, но и являлся крупнейшим акционером. А там такие обороты, такие доходы! Он уже тогда управлял миллионами долларов. Потом Волохов исчез, вылетел за пределы России. И ни слуху ни духу. Я попытался отыскать его следы по фотографии и разнюхал много чего интересного.

Егорыч поднял руку и помахал указательным пальцем возле носа.

– Итак! Начнем с того, что человек, который был у нас, – не Волохов. Это Пол Рейна – американский бизнесмен, известный биржевой игрок. И очень успешный игрок. Его порой называют биржевым магнатом. Постоянно проживает в Штатах. Но Пол поспешил убраться оттуда после того, как его заподозрили в убийстве делового партнера – президента банка «Голден Сенчури» Джекоба Гринберга, которого застрелили неподалеку от Бруклинского гольф-центра в Нью-Йорке. Рейну тогда задержали и допросили, но это ничего не дало, у Пола оказалось железное алиби: он в момент убийства находился за двести миль от Нью-Йорка.

– Это не алиби, он ведь сам не убивал.

– Тем не менее расследование в отношении его закрыто. Видимо, адвокаты биржевого магната как-то решили вопрос,

и Рейна вылетел в Токио, а через неделю – в Москву. Только прилетел он уже как Волохов, и никаких проблем с пересечением границы у него не было.

– Если все так, то это один и тот же человек. Поменял фамилию и имя, потом получил гражданство. Начальный капитал у него присутствовал, потому-то он там и развернулся. А что известно про этот американский банк...

– «Голден Сенчури»? Региональный, каких много. Однако за последние годы он вошел в двадцатку крупнейших, перенес свою штаб-квартиру в Нью-Йорк. Одним из главных акционеров банка является как раз Пол Рейна. А может, главным, если и сам он владеет акциями, и принадлежащие ему юридические лица. Он же мог приобретать акции на свои фирмы, а такие у него имеются. Кстати, наш клиент является совладельцем известного агентства финансовых новостей, у него также доля в рейтинговом агентстве, а через эти организации можно влиять на инвестиционный климат, изменять биржевые котировки...

– Это разве не запрещено?

– Сначала придется доказывать наличие картельного сговора с целью проведения мошеннических операций. Но тут решение принимает биржа, а если у господина Рейны там все схвачено, то значит ему позволено многое, если не все.

– Если он и в самом деле такой влиятельный человек, то что ему делать в России?

– В том-то все и дело! – обрадовался Окунев. – Мне ка-

жется, он от кого-то скрывается. И потом, с его-то возможностями зачем бояться какой-то исчезнувшей девушки, обращаться за помощью к нам, грешным? Мне кажется, что он и сам кое о чем догадывается, а девушка эта не просто так возникла.

– Но она его не убила, ничего не украла, не покушалась на его честь и достоинство.

– Вот то-то и оно, – согласился Егорыч, – но в любом случае информации у нас мало. Все, что касается личности самого Рейны-Волохова, то информация получена из официальных источников, а она, как часто бывает, прилизана, приглажена и порой откровенно выдумана заинтересованным лицом. Вот если бы вывести нашего клиента на откровенный разговор... Можно, конечно, заглянуть в архивы спецслужб...

– Господин Окунев! – не выдержала Бережная. – Спецслужбы и сами уже интересуются нашей деятельностью, а говоря откровенно, именно вашей деятельностью. Меня уже предупреждали...

– Вера Николаевна, я уже давал слово, что... Да и потом – это нас пытались взломать. И я даже знаю, какая служба. Завистников много... Но у них ничего не вышло.

Глава третья

Вера возвращалась домой, думала о новом клиенте и вдруг поймала себя на том, что размышляет не о деле, а о заказчике. Вспоминала, как он говорит, двигается. Голос негромкий, но твердый, на лице никаких эмоций, словно он рассказывал о чем-то незначительном для себя, о чем можно не упоминать вовсе, но он вспомнил, потому что для него важна любая мелочь. Любая мелочь – у него даже галстук подобран к костюму так, словно они сшиты из одного материала.

Она возвращалась домой, но не спешила. Да и спешить-то было некуда. А куда? В пустую квартиру. Квартира, конечно, не пустая, а переполненная какими-то вещами, которые приобретались, разумеется, не наспех, а очень даже тщательно, но все они теперь были не нужны вовсе.

Бережная вырулила в крайний правый ряд и остановилась у газона. Взяла мобильный и набрала номер. Волохов отозвался не сразу, словно сомневался, глядя на номер вызывающего: стоит отвечать или нет. Вера хотела уже сбросить вызов, когда прозвучал его спокойный голос:

– Слушаю вас, Вера Николаевна.

– Павел Андреич, я хотела бы заскочить в тот бар. Есть время встретиться?

И теперь он не стал тянуть с ответом, сказав, что сможет

быть там через двадцать минут.

Волохов прибыл ровно в назначенное им время. Бережная ждала в паре сотен метров и, когда увидела его «Бентли», пристроилась следом. А потом обе машины остановились возле входа в бар. С водительского места вышел шофер и открыл дверь, выпуская босса. Вера подошла и поинтересовалась: думает ли Волохов о своей безопасности.

– Иногда, – ответил он, – но об этом постоянно размышляют специально обученные люди, которых у меня достаточно. Это так только кажется, что мою машину никто не сопровождает. Следом шла охрана и меня сразу предупредили: на пути припаркованная машина, и даже сказали, что это ваша. А в баре сейчас пусто, хотя еще двадцать минут назад тут были посетители, но их попросили удалиться.

Они вошли внутрь заведения. В зале и в самом деле не было ни души.

– А в тот раз? Тогда ведь никого не просили покинуть заведение?

– Признаю, – кивнул Павел Андреевич, – в прошлый раз я немного расслабился. Но с другой стороны, если бы на меня готовили покушение, то не успели бы, потому что в бар этот я не заезжал никогда. Заходил как-то, но с охраной, когда одна из моих подруг попросила о встрече, а я не хотел беседовать с ней в своей квартире. Но это было один-единственный раз, так что те, кто тщательно запоминает все мои привычки, не обнаружили в посещении бара никакой зако-

номерности. Другими словами, алгоритма не выстроишь.

Они сели за тот самый столик в углу.

– Похоже, что ваша встреча и в самом деле была случайной, потому что девушка не могла подать в окно какой-либо знак своим сообщникам, если они у нее были, конечно.

– Записи со всех камер округа просмотрели: она была одна, – сказал Волохов, глядя за плечо Веры.

Подскочил бармен.

– Сеня, – обратился к нему Павел Андреевич, – как выглядела девушка, которая была со мной в тот вечер?

Бармен пожал плечами.

– Я уже говорил, что не запомнил внешности. Просто она была в шляпе такой и в куртке, что поневоле обращаешь внимание больше на одежду, и потом она все время склоняла голову, словно прятала лицо за полями.

– Еще вопросы будут? – обратился Волохов к Вере.

– Так у меня их и не было. Я сама внимательно изучила запись.

Павел Андреевич махнул рукой, и бармен отошел.

– Вы всех здешних работников знаете по именам? – удивилась Вера.

– Никого не знаю. Просто мои сотрудники сказали после беседы с ним, что парня зовут Семен. Я запомнил.

– Могу предположить, что он действительно не знаком с той девушкой. Наверняка ваши люди проверили все его телефонные контакты. Но не это сейчас интересует.

– Спрашивайте!

Бережная посмотрела на бармена, который направлялся в подсобку, потом на входную дверь, возле которой дежурил один из телохранителей.

– Я задам вопрос, может быть, не по теме, – сказала она, – но для меня важна любая мелочь. Вы догадываетесь, кому выгодна смерть президента «Голден Сенчури»?

Он не стал делать удивленное лицо и спрашивать, откуда она знает о гибели его делового партнера. Помолчал только и кивнул.

– Могу лишь догадываться. Хотя врагов у Джекоба не было. Мы с ним дружили, встречались в гольф-клубе, иногда я заезжал к нему домой, реже он ко мне. Ему было шестьдесят два, дважды женат. От первого брака двое детей, а от второго только неприятные воспоминания, потому что женой его была единственная дочь первого президента банка. После смерти отца жена ушла к молодому любовнику, а потом пыталась разделить всё их с Джекобом имущество, но не удалось по условиям брачного контракта. Тогда она пыталась организовать травлю в прессе, и тоже ничего не вышло. Нет, к женщинам мой друг относился настороженно, и, насколько мне известно, рядом с ним последние года полтора никого не было. И вот однажды он позвонил мне по делу. Мы все обсудили, но мне показалось, что он не хочет прощаться, и спросил: «Что-то еще?» И он признался, что встретил девушку, случайно, но теперь все время думает о ней. Она

моложе его лет на сорок, если не больше. Джекоба смущало только это, он думал: слишком большая разница, чтобы такая милая девушка смогла полюбить его. Они, правда, встречались раза два всего после этого. Роман не успел начаться, девушка вряд ли догадывалась, что он уже начал ухаживать за ней. А потом его убили.

– Вы думаете, его новая знакомая причастна к убийству?

– Не думал, но... – Волохов задумался и посмотрел по сторонам, – теперь не знаю. Дело в том, что он, описывая эту девушку, сказал, что она очень похожа на Грейс Келли. Не столько внешне, сколько манерой общения: внимательно слушает, улыбается уголками губ... Ничего особенного, казалось бы, но странно другое. Та, которую я встретил здесь, в баре, точно такая же, но определенно не та же самая. У него американка, сообщившая ему, что она из штата Висконсин, а у меня русская, говорящая без какого-либо акцента.

– На ней была курточка американская и шляпа-стетсон: как будто девушка специально прикидывается американкой.

– Да, – согласился Павел, – потому-то я и клюнул на нее. Подсознательно я сопоставил ее внешность с той, о которой мне рассказывал Гринберг, потому и подошел, даже не понимая, зачем я это делаю.

– Вы проверяли потом свою кровь на наличие клофелина или психотропных?

– Следов каких-либо препаратов не обнаружено. Сказали, что возможно я принимал снотворное за день до того. Та-

кое было, признаю. Но из того, что произошло в тот вечер, я не помню почти ничего, хотя выпил двести пятьдесят, ну, триста граммов коньяка. Не та доза, чтобы так вырубиться. Но я проснулся легко, сознание было легким, а воспоминание о незнакомой девушке еще легче. Не человек, а призрак, которого нет. Почти то же самое, что и в случае с внезапно вспыхнувшей любовью моего друга в Штатах. Американским следователям я поведал о новом увлечении Джекоба. Они все проверили: деловые записи, распорядок дня, исходящие и входящие его телефонов, и никого не нашли. Никаких следов.

– Теперь вы просите отыскать девушку или молодую женщину, которая показалась вам знакомой, но вспомнить ее вы не можете, а провалами в памяти, насколько я понимаю, не страдаете, – сказала Бережная.

Волохов кивнул.

– Возможно, вам подставили ее, зная, что она похожа на ту, с которой...

Павел не дал ей договорить.

– Вы, очевидно, считаете, что у меня беспорядочные связи? Но это не так. Тратить время на разных женщин еще хуже, чем спускать свое состояние в казино. Вы наверняка уже знаете, что я постоянно живу то в Штатах, то здесь, но под разными фамилиями. Последние пять лет больше здесь, чем там. Тут у меня две постоянные женщины, но ни одна из них не претендует на то, чтобы стать единственной.

– Разговоры о браке не заходили? Вы не обещали какой-нибудь из них жениться?

– Разумеется, нет! Я редко что-то обещаю, тем более женщинам. Стараюсь быть с ними осторожнее.

– Но почему сразу две?

Волохов помолчал, а потом улыбнулся, и Вера вдруг поняла, что впервые видит улыбку на его лице.

– Я же говорил. Так получилось. Одной сейчас тридцать два года, и она красива. Не скажу, что очаровательна, потому что какой-то червяк гложет ее изнутри. Она может закатить внезапный скандал по любому поводу, а потом долго умолять о прощении. Как раз после одной такой сцены я решил с ней расстаться и через пару дней встретил другую, которой на тот момент было двадцать четыре. Она водила пожилую американскую пару по Русскому музею и несла всякий бред. Я пристроился к ним, перекинулся парой фраз с американцами: они приняли меня за своего соотечественника. Та девушка тоже. Но она предупредила, что, если я хочу присоединиться к экскурсии, то должен заплатить пятьдесят баксов. Американцы не возражали, я дал деньги. Походили по залам, потом мы отправились обедать вчетвером, после чего гуляли по городу, а вечером катались на кораблике по Неве. Я привез ее к себе. Она была в шоке: сначала от того, что я оказался русским, а потом от квартиры, обстановки, картин на стенах и вида, который открывался из моего зимнего сада, оборудованного на крыше высокого дома. Девушка толь-

ко что получила диплом искусствоведа, работы для нее не предвиделось никакой... Я пообещал подарить ей галерею, в которой выставляли бы свои работы художники. Вернисажи, творческая тусовка, популярность...

– Подарили? – усмехнулась Вера.

– Да. Не сразу, разумеется. Первый этаж дома, в котором я живу, планировался под большой магазин. Теперь там та самая галерея, которая вот-вот откроется.

Волохов замолчал.

– Красивая история, – оценила она, – как из американской мелодрамы.

– Если вы узнаете, как я познакомился с первой девушкой, то удивитесь не меньше. Я находился в небольшом отеле, в котором иногда собираются люди, чтобы поиграть в покер или преферанс. Дело это с недавних пор запрещенное, но там случайных посетителей не бывает – все это солидные люди со связями во всех эшелонах, как говорили когда-то.

– Теперь я понимаю, откуда вы знаете Хромова.

– Я знаю его уже четверть века, тогда его называли Ластиком или Колей Хромым. Но в тот отель он тоже заглядывает. Там все по-честному, да еще вышколенная охрана, видеонаблюдение. Но в тот раз я заглянул в отель, чтобы... Впрочем, это неважно. Я ужинал в ресторане, джазовый квинтет исполнял что-то из Гершвина. А потом произошел небольшой конфликт. Молодая посетительница ресторана, когда ей принесли счет, не смогла рассчитаться, сказала, что забыла до-

ма кошелек. Я подозревал метрдотеля и сказал, что оплачу ее ужин. Она подошла поблагодарить и сообщила, что не привыкла быть кому-то обязанной, поэтому можно заскочить к ней, тут неподалеку, и она вернет мне деньги. Я согласился – девушка была красива, и одета не как ресторанная дешёвка...

Он замолчал.

– Вы поехали к ней не за деньгами, насколько я понимаю? – подсказала Бережная.

– Какие деньги? – снова улыбнулся Павел Андреевич. – Счет был на пять или шесть тысяч рублей. Я же сказал, что она была очень красива. Какой остается и сейчас. Она показала мне застенчивой и скромной, вот я и клюнул. Жила она не так чтобы совсем неподалеку – ехали на такси с полчаса. Квартирка однокомнатная в старом доме с толстыми стенами. Пили шампанское, которое я прихватил с собой из ресторана. Она, чувствуя, что я ей не очень доверяю, делала первый глоток из моего бокала, после чего отдавала его мне. Но когда мы все же оказались в постели, я услышал, как осторожно приоткрывается тяжелая дверь, на пороге появился крепкий молодой человек, и началась хорошо разыгранная сцена ревности. Молодой человеку ударил девушку, потом достал из кармана пистолет и начал орать, что я ему сломал жизнь и так далее. Длилось это с минуту или чуть меньше. Я спросил, сколько стоит его разрушенная жизнь. Он задумался, но я показал на свой пиджак, висевший на спинке сту-

ла, сказал, что в пуговицу вмонтирована видеокамера и через пару секунд сюда войдет моя охрана. Парень наклонился, чтобы рассмотреть пуговицу, тут же дверь открылась и ворвались трое моих телохранителей, сопровождавшие меня от гостиницы. Парня положили на пол, его пистолет оказался травматикой. Парочку допросили, и они признались, что уже полгода промышляют такими подставами. Несколько эпизодов в Сочи и в Крыму. Потом Ростов, Москва. Работали в основном по гостиницам. В Москве им повезло больше всего. На девушку клюнул зять крупного бизнесмена, который испугался огласки и отдал вымогателям все наличные деньги, золотые часы со своей руки, зажим для галстука и запонки с бриллиантами.

Девушку я пожалел, увез к себе. Ее подельника мои ребята сдали куда следует. Как выяснилось, оба они уже находились в розыске. Парень, ранее судимый, получил очередной срок, а с девушкой я общаюсь до сих пор, правда, не так часто, как прежде. Можно сказать, что близкие отношения закончились.

– Тот парень мог отомстить?

– Ему еще года четыре сидеть, но в любом случае он не появится в этом городе, чтобы я даже случайно не мог встретить его. И к тому же призрак девушки, посетивший меня, как-то не вяжется с личностью этого мошенника. Тот парень просто тупой и наглый. Хватит о нем. Поговорим о чем-нибудь более достойном.

– Галерея, которая находится в вашем доме, – вспомнила Бережная, – имеет выход во двор или на лестницу, которой вы пользуетесь? А может, к подземному паркингу?

– К стоянке – да, – кивнул Волохов, – но там охранник и опять же видеонаблюдение. Мои люди первым делом проверили записи, на них нет ничего подозрительного. Если вы хотите осмотреть галерею, то сегодня это вряд ли получится сделать в спокойной обстановке... Завтра там открывается выставка одного никому не известного художника, получившего академическое образование. Коллеги еще при жизни называли его основателем и единственным представителем нового направления в живописи – черного реализма. Сами понимаете, сейчас там пресса, готовятся репортажи для телевидения: я вложил некоторые средства в раскрутку. А вот завтра... Вы можете посетить вернисаж и все рассмотреть. Я тоже там буду.

Глава четвертая

Утром следующего дня Бережная появилась в офисе и, проходя по коридору мимо кабинета Окунева, стукнула в дверь:

– Егорыч, жду тебя с докладом через пять минут.

Потом она повернула за угол и увидела его стоящим у приемной.

– Вы уж простите, Вера Николаевна, я просто по компьютеру проверил движение вашей машины. Вижу, что подъезжаете, и вот решил, чтобы не терять времени, сразу подойти.

Бережная открыла дверь и, пропуская подчиненного внутрь кабинета, спросила:

– Что по нашему призраку?

– Девушку, которая по всем параметрам соответствовала бы фотороботу, обнаружить не удалось, – доложил Окунев, – то есть нашлись сотни похожих. Но программу распознавания лиц легко может обмануть любая женщина, которая умеет наносить соответствующий грим, использовать парики, темные очки. Лицо распознается по определенным точкам – расстояниям между скулами, от переносицы до подбородка...

– Я в курсе, – поторопила подчиненного Бережная, – но из тех сотен, о которых ты сказал, сколько можно отсеять сразу?

Егорыч пожал плечами:

– Отсеять можно всех. По фотографиям из базы паспортных столов – остается едва ли десяток похожих, но вряд ли среди них присутствует та, которую мы ищем.

– Если в нашем городе есть три или четыре...

– Я проверил всю страну. То есть не я, а программа, которую я запустил. Мне бы потребовался месяц как минимум на отработку всех параметров маршрутов передвижения, а тут за сутки, даже меньше. Но я сказал вам, что вряд ли среди них есть та, которую мы ищем. Я посмотрел их странички в соцсетях и уверен, что это так. Одной уже за тридцать, она в последние недели не покидала родной Новосибирск. Две других, если судить по их высказываниям на своих страничках, круглые дуры, а девушка, заинтересовавшая нашего клиента, таковой не является. Остается четвертая, и она подходит более всего. Во-первых, она из нашего города, ей двадцать лет. Правда, замужем и ждет ребенка. В Сеть выкладывает фото своего живота, посещает всякие сайты для беременных. Других интересов у нее сейчас нет.

– Возможно, этим она отводит всякие подозрения в отношении себя.

– Вряд ли. Я проверил все женские консультации, нашел ту, куда она ходит, и даже узнал фамилию врача, у которого она наблюдается. Все чисто.

– Программа не могла ошибиться?

– Любую программу можно обмануть. Только для этого

надо быть специалистом.

– В Штатах твоя программа работает?

– Работает, но другая. Там даже проще, потому что сразу отсекаются темнокожие, латинос и девушки с азиатской внешностью. А еще с лишним весом и жительницы сельских районов, не покидавшие территории своих штатов за последние месяцы. Среди заданных параметров я упомянул владение русским языком, это обязательно отражается в полицейских базах. Пока ничего, и мне кажется, так и останется. Но я сейчас изучаю личность нашего клиента. Отцом его был профессор Андрей Андреевич Волохов – известный филолог, а мать – Регина Алексеевна Рейнальд – тоже филолог, литературовед, кандидат наук. Она была аспиранткой Волохова и вышла замуж за своего профессора. В свое время написала брошюру, которую назвала «О природе гомерического смеха», которую раздраконили все специалисты. Кстати, свои работы она подписывала как Регина Рейна. Этот ее псевдоним тоже вызывал насмешки. Один критик даже сказал, что автор явно не в себе, называя себя «Правящая королева», совместив два слова: «Регина» – по-латыни правящая, а «рейна» переводится с испанского как «королева».

– Это имеет отношение к нашему делу?

Окунев пожал плечами.

– Не знаю, но если судить по Павлу Андреевичу, то в детстве он сторонился сверстников. И в соцсетях в группе одноклассников Волохова нет, о нем почти не вспоминают. Од-

нажды кто-то спросил: правда, что Волохов разбогател? И ответ получил: вряд ли, потому что для Паши понты дороже денег. И тут же кто-то из одноклассниц вспомнила о какой-то Люде Кандейкиной, которая будто бы была влюблена в Павла, но куда потом сгинула – никто не знает.

– А сам ты не нашел ее?

Окунев посмотрел на Бережную и дернул плечом.

– В социальных сетях такой женщины нет. А такое в наше время случается крайне редко. Если она, конечно, не хочет, чтобы ее отыскиали. Фамилия редкая. Конечно, встречается, однако именно Людмилы Кандейкиной – уроженки Ленинграда – нет. Но в этой связи всплыл некий уголовный авторитет, которого звали, как и героя Вольтера, – Кандид. О нем упоминает в своей книге воспоминаний некий милицкий ветеран. Книжка называется «Записки следователя». Не знаю, художественная она или документальная, но Кандид, настоящая фамилия которого Кандейкин, якобы был в преступном мире Ленинграда семидесятых непререкаемым авторитетом, несмотря даже на то, что официально работал бригадиром носильщиков на Московском вокзале.

– Хорошо, – кивнула Бережная, – продолжай. Но пока скинь мне все материалы о художественной выставке, которая открывается сегодня в новой галерее на Васильевском. И о том художнике, чьи работы будут представлять. Я хочу появиться там подготовленной.

Глава пятая

На стенах галереи были развешаны картины, которые не привлекли внимания Бережной: она лишь пробежалась по ним рассеянным взглядом. Она рассматривала собравшуюся публику. Судя по всему, это были не случайные люди. В основном солидные господа с дамами, которые пришли не посмотреть представленную экспозицию, а продемонстрировать свои драгоценности. В солнечных лучах, которые заливали пространство, перемигивались преломленным светом бриллианты, сверкали изумруды, рубины, сапфиры. Вера искала взглядом Волохова и наконец увидела его рядом с молодой стройной брюнеткой. Павел Андреевич обернулся и махнул Бережной, подзывая ее.

Вера подошла, и тогда Волохов представил ей девушку:

– Верочка, это Алла. Надеюсь, скоро она станет самой известной галеристкой в нашей стране.

То, что он представил ей хозяйку, а не наоборот, показалось Бережной странным. Хотя, вероятно, он таким образом дал понять своей знакомой, что Бережная – очень и очень значительное лицо.

– Вы хотите что-то приобрести? – обратилась к ней брюнетка.

Бережная посмотрела на стены:

– Если что-то понравится, то, возможно...

– Советую это сделать сегодня. Цены указаны на полотнах, и пока они не так велики. Через неделю устроим аукцион. Художник, конечно, не известен широкому кругу, но, уверяю вас, специалисты обратили на него внимание очень давно. Правда, автор представленных работ был не очень контактным человеком. Во-первых, он пил по-черному.

– То-то я гляжу у него все картины какие-то черно-белые...

– Это от нищеты. Самые дешевые краски – это сажа газовая, белила цинковые, охра, ультрамарин. На голубые, фиолетовые или какие-то другие, более яркие, у художника просто не было денег. Но зато он неповторим со своей небогатой палитрой, исключительно тонко передавал полутона. И к своему делу относился не как к бизнесу. Он вообще раздавал свои работы, порой отдавал за бутылку. Я обошла все забегаловки, расположенные неподалеку от его мастерской, и просто поразились, сколько их. Выкупила у владельцев все, что обнаружила. Даже нашла его бывшую жену. Та долго упиралась, а потом назначила такие цены! Она уверена, что ее муж – гений. Хотя кто знает... Вот Павел Андреевич может подтвердить: его американский приятель приобрел пару работ этого автора, даже не торгуясь. За «Черную цаплю» сразу дал тридцать тысяч долларов... Да-да. Вот она висит, эта картина.

– А почему владелец хочет от нее избавиться?

– Он и не хотел. Просто владелец погиб в прошлом году, и

Павел Андреевич привез обе картины назад. Сейчас они выставлены по пятьдесят тысяч долларов каждая. Но если доживут до аукциона, то, надеюсь, цены будут еще выше. Простите, я вас оставляю...

Девушка отошла. Вера посмотрела ей вслед.

– Как вам? – обратился к ней Волохов.

– Вполне, – ответила Бережная, – мила, обаятельна.

– Я о картинах, – едва не рассмеялся Павел Андреевич и взял ее под руку.

Они подошли к экспозиции. Бережная начала рассматривать картину, на которой была изображена очередь в пивной ларек. По грязному снегу бегали огромные крысы, пьяные мужчины дрались, а некоторые добавляли в пивные кружки водку из мутных бутылок. Из темной подворотни выходил облаченный в белый хитон лысый мужчина с нимбом. А на его лысине темнело огромное родимое пятно. Вера наклонилась, чтобы посмотреть название.

«Явление Горби народу» – было напечатано на белом листочке. И стояла цена «60 000 ам. дол.».

Бережная обернулась к Волохову.

– Вы мне не сказали, что у вас в Штатах еще и друг погиб.

– В той смерти нет ничего криминального. Мой друг и партнер спешил на свое ранчо, перед поворотом пошел на обгон, вылетел на встречную полосу и столкнулся с фурой лоб в лоб.

– Он был один в машине?

Павел Андреевич кивнул:

– Один. Странно только, что он сам сидел за рулем – в последние годы Русика возил опытный водитель.

– Русик – это Руслан?

Волохов кивнул.

– Руслан Кайтов, – произнес он, оглянувшись, словно хотел убедиться, что его никто не слышит. Но рядом никого не было, и Волохов продолжил, глядя на Веру: – Мы с ним учились вместе в институте. Осетины принимали его за своего, что потом помогло ему привлечь для некоторых финансовых операций деньги диаспоры. Но вообще он – русский. И уверял, что Кайтов – русская фамилия. Я, когда уехал в Штаты, вызвал его к себе, потому что...

Павел Андреевич не договорил, очевидно считая, что сказал уже и так достаточно.

– Последний вопрос, – шепнула Вера, – автомобиль, в котором он разбился, был двухместным?

– Действительно, «Родстер», – подтвердил Волохов, – я понимаю вашу мысль. Русик был без водителя, потому что рассчитывал с кем-то встретиться: с девушкой, например. Но следователи тщательно изучили все входящие и исходящие звонки... Даже проверили пару мотелей, которые располагались на пути его следования к ранчо. Ничего и никого подозрительного не обнаружено.

– Он был богат?

– Весьма. – Волохов снова посмотрел в сторону, махнул

рукой, приветствуя кого-то, и добавил: – И он был зятем погибшего недавно Джекоба Гринберга.

– И это не кажется вам... – начала Бережная, но Павел Андреевич остановил ее:

– Всё! То, что касается американских дел, вне вашей компетенции. Занимайтесь тем, что я вас попросил сделать.

Это было произнесено так жестко, что Вера решила не продолжать разговор. Тем более что к ее спутнику подошел немолодой мужчина и отвел его в сторону. Стоять на месте было бессмысленно, словно она пришла сюда только затем, чтобы ходить за своим клиентом. Мимо проходили оживленные и заинтересованные экспозицией люди, в простенках между огромных окон стояли столики с шампанским и хересом, молодые официанты наполняли бокалы всем желающим, играла музыка, но надо было заниматься делом.

Выход на парковку она нашла не сразу. Дверь, разумеется, была заперта на два замка. Вера наклонилась, чтобы рассмотреть их, но тут же к ней подошел охранник в темном костюме и объяснил, что эта дверь всегда закрыта и за ней нет ничего интересного. Бережная ответила, что хочет попасть на парковку, где оставила свой автомобиль. Молодой человек сделал удивленные глаза.

– Вы что-то путаете, – сказал он, – на парковке оставляют свои автомобили только жильцы этого дома. У каждого свой электронный ключ от ворот, никто другой въехать не может. А от этой двери ключей нет ни у кого, разве что у хозяйки.

– Похоже, я и в самом деле что-то напутала, – призналась Бережная, – со мною это случается. К тому же я не сама за рулем сижу.

Она покрутила головой, хотя сразу заметила, что за ней наблюдает Алла. Хозяйка галереи даже помахала ей рукой. Когда Вера подошла, приветливо улыбаясь, та тоже улыбнулась в ответ и спросила участливо:

– Заблудились? – и, наклонившись, перешла на шепот: – Если ищете туалет, то я покажу.

– Просто я непривычна к таким тусовкам, – объяснила Вера.

Алла посмотрела на нее внимательно и тоже шепотом поинтересовалась:

– Вы новая пассия Волохова?

– С чего вы решили?

– Вы в его вкусе, а судя по брендам, которые на вас, не всякая женщина сможет так себя обеспечивать. А обручальное кольцо – скорее всего, камуфляж.

– Тем не менее я замужем и одеваюсь сама. У меня бизнес, а с Павлом Андреевичем мы сотрудничаем.

Хозяйка галереи кивнула, но, скорее всего, не поверила.

– Если честно, то у меня уже ноги гудят, я с самого раннего утра не присела. Если вам интересно, то можно зайти в мой кабинет и четверть часика поболтать. Моих гостей займут специально обученные люди.

Кабинет Аллы оказался просторным, с такими же высокими потолками, как и в зале для экспозиций. На стенах висели картины.

– Он вам обо мне рассказывал?

– Сказал только, что вы его близкая знакомая.

– Именно так и сказал? – не поверила хозяйка галереи. – Вообще-то я – его любовница. То есть уже бывшая, которой надоело ждать у моря погоды. Когда только познакомилась с ним, влюбилась сразу и захлебывалась восторгом: умен, образован, красив, да еще и богат... Когда он привел меня к себе домой... Но вы поняли, о чем я.

– Я никогда не была в его доме.

– В самом деле? – удивилась Алла.

Она рассматривала Бережную, продолжая сомневаться.

– Хотя... – наконец произнесла она, – возможно, он решил, что вас так просто не возьмешь, а я – наивная девушка – купилась сразу. Во-первых, квартира у него огромная, в три уровня. На первом – гостиная, столовая, кухня и все эти комнаты огромные. На втором уровне – его кабинет, тренажерный зал, комната для гостей, очевидно, хотя вряд ли гости остаются ночевать. А наверху – его спальня. Она оборудована на крыше – не спальня, а зимний сад. Потолок стеклянный, и ночью можно смотреть на звезды. Сама постель находится в шатре из переплетенных розовых кустов, усыпанных цветами. В основном это бледно-зеленые розы. Когда я спросила, что за сорт, Павел сказал, что это «Эльф».

Но там еще газоны с альпийскими травами, маленькие сосны – бонсай...

– Замечательно, – остановила собеседницу Вера, – но я привыкла ночевать дома, и если смотрю на звезды, то только из своего окна.

– Это я к тому, как я попала на крючок. Четыре года учебы, когда я снимала обшарпанную комнату, экономя на еде, бегала зимой в осенних сапожках, а к весне они расползались... Я смотрела на Павла как на бога, который снизошел ко мне как награда за все мои страдания. Потом мы как-то выезжали со двора, и на капот бросилась молодая блондинка. Я испугалась – подумала, что Павел ее сбил. Но девушка тут же оказалась у двери, распахнула ее и крикнула, чтобы я убиралась, это ее место. Тут же из внедорожника с охраной выскочили ребята и оттащили ее. Волохов вышел, начал с ней говорить. А та кричала, ругалась и плакала. Я, чтобы не слышать, зажала уши ладонями – почему-то решила, что это его жена, а значит, все мои мечты рухнули вместе со мной обратно в ту грязь, которой, как мне казалось, уже не будет никогда.

– Симпатичная девушка? – поинтересовалась Бережная, хотя уже поняла, о ком идет речь.

Хозяйка галереи кивнула.

– Мужчины наверняка считают ее красоткой. Она чем-то напоминает Мишель Пфайфер в ранних ее фильмах. Стройная блондинка с длинными ногами, огромные глаза, малень-

кий носик. Павел объяснил, что это его бывшая девушка, с которой он расстался. Я поверила, а вскоре он бросил и меня. Уехал на несколько месяцев, я звонила на его мобильный, но телефон был отключен. Потом он вернулся и сам нашел меня. Предложил отправиться в Париж, спросил только, есть ли у меня загранпаспорт. И следующим утром мы улетели. Просто приехали в аэропорт, я даже не заметила, как прошли таможеню. На поле нас ждал частный самолет «Фалкон»... Внутри такая красота...

– Кабинет для работы со столом, кожаными креслами и зона отдыха с кроватью и душевой кабиной, – подхватила Бережная, – если это, конечно, «Фалкон 7х».

Алла кивнула:

– Именно такой. Потом мы на нем летали в Штаты и Японию, где у него тоже бизнес.

– Самолет он арендовал?

– Нет, это собственность Волохова. А вы разве не знали?

– Да я вообще с ним не так близко знакома. Павел Андреевич поручил мне расследовать одно дело. Я частный детектив.

– Ты? – не поверила Алла. – Ни за что не скажешь. Ой, я, кажется, на «ты» перешла.

– Ну и хорошо, так даже удобнее. А что касается моей профессии, то понимаю твои сомнения: в фильмах частный детектив – это обязательно накачанный мужик с кобурой под мышкой. Но у меня другая задача.

Бережная достала из сумочки визитку и протянула своей собеседнице. Та внимательно прочитала и удивилась:

– Глядя на тебя, никогда бы не подумала.

– Многие не думают, – улыбнулась Вера, – и это только...

– Я поняла, – не дала ей договорить хозяйка галереи, – это, видимо, связано с проникновением в его квартиру. Уже приходили люди и беседовали с охраной, осматривали все.

– Кстати, охранная фирма кому принадлежит?

– Волохову. Кому же еще? Я даже не знаю, что ему не принадлежит. Этот здоровенный дом построен на его деньги, охранная фирма, ресторанчик неподалеку – тоже его.

– Но основная его деятельность связана с биржей?

– У него брокерская контора. А может быть, несколько, потому что и на московской бирже, и на нашей в Петербурге, в Токио, насколько я знаю, и в Лондоне на бирже металлов сидят его люди. В Нью-Йорке он меня даже на биржу приводил.

– Он выступает как комиссионный брокер или зарегистрированный трейдер?

– Что? – не поняла Алла. – Я как-то не вдавалась...

– Хорошо. Ты была с ним в Штатах. Он со своими американскими друзьями тебя не знакомил? Джекоб Гринберг, Руслан Кайтов. Может быть, еще кто-то?

– Гринберг – старенький такой. Кайтов... Только не Кайтов и не Руслан. Его зовут Рассел Кайт, и он из наших эмигрантов. Кажется, Рассел учился когда-то с Павлом. Еще бы-

вали какие-то люди. В Нью-Йорке приходил какой-то Ден, а еще Борис. Оба они из бывших наших. Были, конечно, и американцы. В Майами тоже кто-то приходил к нему. Но они все о делах говорили, а я все время в бассейне плескалась. У Волохова в Майами вилла с бассейном, на ней мы и жили. Два раза туда летали. Он, правда, не отдыхал, как полагается, а работал. Да и встречи у него были деловые.

– У него были какие-нибудь проблемы, связанные с бизнесом?

– Не знаю. Если только одна: некуда деньги девать. Но с друзьями он всегда весел был. Так что дела у всех шли хорошо, как мне кажется. Но мы отвлеклись. Тебя ведь интересует, кто мог проникнуть в его квартиру? Тут и к гадалке ходить не надо. Это Лика туда забралась – не знаю, что она там искала, но Волохов не стал бы волноваться на пустом месте. Вероятно, она стащила что-то ценное. Может быть, секретную информацию из его компьютера.

– Лика – эта та самая блондинка?

– Ну да. На самом деле она Анжелика. Ты представляешь: девушка из города Шахты, которую мама назвала Анжеликой? Как он мог связаться с такой? Просто в голове не укладывается! Если ее спросить, где ты родилась, девочка, то она честно ответит: в Шахтах. Звучит, словно в рудниках.

Бережная молчала, надеясь, что Алла проговорится.

– Она вообще обещала Павла убить, – шепнула хозяйка галереи, – при мне это было. Совсем недавно, кстати.

– То есть они не расставались?

Молодая женщина замолчала, понимая, что сболтнула лишнее.

– Сейчас-то уж точно расстались. Но эта Анжелика как клещ, если вцепилась, то ее разве что ядохимикатами из-под кожи доставать надо. Он ведь ей и квартиру купил, и машину подарил, уж сколько денег дал – не знаю... А ей все мало!

Алла замолчала, посмотрела на картины на стенах, потом осторожно потрогала прическу.

– Если ты считаешь, что галерея принадлежит мне, то глубоко заблуждаешься. Моих здесь всего сорок процентов, а его шестьдесят. Он ведь не благотворитель, Волохов просто выгодно вкладывает деньги. Все подсчитал и сделал инвестиции в мой бизнес, хотя разве в мой? Он здесь единоличный хозяин. И все представленные картины никому не известного пьяницы тоже ему принадлежат. Его люди разыскали эти работы и выкупили у владельцев за гроши, а теперь Павел собирается выручить за них миллиона два евро и сразу оккупить все вложенное в галерею. Но ведь этот дом, а соответственно мой кабинет и выставочный зал тоже построены на его деньги. В свое время местный строительный магнат захотел расширить свой бизнес: приобрести участки земли, закупить технику, – для чего обратился в российские банки за кредитами, но они ему отказали. Тогда кто-то указал ему на американский банк, который, как мне кажется, принадлежит Волохову... Банк обратился в инвестиционный фонд, кото-

рый тоже ему принадлежит, и деньги пошли...

– Почему ты решила, что банк и фонд принадлежат Волохову?

Алла усмехнулась.

– Я не решила, просто слышала некоторые их разговоры. Президентом банка является Джекоб Гринберг... То есть являлся, потому что его убили. А директором-распорядителем инвестиционного фонда был Рассел Кайт. А его тоже теперь нет...

Алла выдвинула ящик стола и достала плоскую золотую коробочку, украшенную бриллиантами и рубинами, раскрыла ее и вынула черный тонкий цилиндрик, похожий на карандаш для глаз с широким золотым ободком на конце.

– Покурим? – предложила она. – Кстати, очень хороший табак.

– Виргиния, – кивнула Бережная, – сигареты «Блек энд голд» с лучшим в мире угольным фильтром. А портсигар – коллекционный экземпляр рекламной пачки «Лайки страйк», выпущенный сразу после Второй мировой. Таких было около ста штук. Нынешняя стоимость около ста тысяч долларов.

– Почти сто пятьдесят, – поправила хозяйка галереи. – Это мне Волохов подарил во время нашего первого совместного визита в Штаты. Сказал, что это мое приданое или страховка на случай, если его не станет. Я тогда ужасно этого боялась.

– А сейчас? – вкрадчиво поинтересовалась Вера.

– Что сейчас? – переспросила Алла, делая аккуратную короткую затяжку.

Затянулась она так неумело, что Бережная сразу поняла: Алла не курит, а сигареты предложила лишь для того, чтобы продемонстрировать дорогой портсигар.

– А сейчас все изменилось, – продолжила молодая женщина, – мне надоело ждать, как в том дурацком американском фильме, где уличная проститутка подцепила миллиардера. Надоело дожидаться момента, когда он сделает мне предложение. Во-первых, я – не уличная дешевка, как Лика, а во-вторых, Волохов вообще не собирается жениться. Ни на ком.

– Сколько ему? – поинтересовалась Вера, хотя прекрасно знала возраст своего клиента.

– Сорок три, – усмехнулась Алла, – сорок четыре скоро стукнет – давно пора уж. Но у него странный характер. Он закрыт ото всех. Только я про него знаю все или почти все. Иногда он что-то вспоминает. Однажды ночью мы лежали в его постели и смотрели на звезды, и он вдруг начал рассказывать про свою семью. Про маму, невероятно красивую, про отца, который был намного старше ее и очень строгий. Отец Паши редко называл его по имени, обращался к нему просто «мальчик, принеси книгу из моего кабинета» или вообще никак. Павел говорил, что обидно было до слез. А потом, когда отца не стало, он рыдал дня три, потому что понял, как они с отцом любили друг друга. Просто его папа был крайне

закрытым человеком и очень осторожным. Он ведь сидел.

– Кто? – не поняла Бережная. – Андрей Андреевич?

– О-о-о, – удивилась Алла, – ты слышала, как звали профессора Волохова, но не знала, что он получил восемь лет за антисоветскую агитацию? Отсидел, правда, не весь срок. После двадцатого съезда его выпустили и он даже восстановился в университете. Он не курил и вообще не пил, но однажды вернулся домой почти вдрабадан после родительского собрания в школе. Смешно?

– Честно говоря, не очень, – не поняла Бережная.

– Просто он там в классе встретил еще одного сидельца, с которым на зоне пересекался. После собрания зашли в какой-то ресторанчик и, видимо, вспоминали былое. И тот мужик притащил профессора домой, помог уложить в постель, а когда Регина Алексеевна – мать Павла – предложила попить чайку, тот отказался, сказав, что его ждут дома и жена, и чай с малиной.

– Фамилия того мужчины случайно не Кандейкин?

– Откуда же я знаю? Волохов всегда рассказывал без подробностей. Он и тогда сразу замолчал. Сказал только, что его мама после смерти Андрея Андреевича и года не прожила: в один момент постарела и угасла. А он тогда свой первый бизнес разворачивал, и у него не было времени находиться рядом с ней постоянно. Вероятно, сейчас он от этого страдает. А может, и нет. Он очень закрытый человек. В отца своего, вероятно.

Хозяйка галереи замолчала, воткнула сигарету в пепельницу, а Бережная посмотрела на часы и поинтересовалась:

– Тебя там не потеряли?

Алла кивнула, поднялась и направилась к двери, но остановилась:

– Вера, ты, наверное, решила, что я круглая дура, раз начала сразу все выкладывать. Не переживай, у меня с Волоховым всё кончено. И даже не потому, что он так решил, я сама так захотела. У меня теперь другой. Он – англичанин, работает экспертом в «Сотбис». Старше меня. Даже старше Волохова немного. Он мне сделал предложение, и я, скорее всего, приму его.

– Любишь его?

– Кому эта любовь нужна? Любовь не приносит счастья. А у женщины она и вовсе отнимает последние мозги, делает ее податливой и слабой. Пойдем.

Они вернулись на выставку, где по-прежнему играла музыка и джазмен выдувал что-то из Чарли Паркера.

– Не люблю джаз, – шепнула Алла.

– Это не совсем джаз, это – бибол, – также шепотом ответила Вера.

Владелица галереи посмотрела на нее, потом коснулась плеча Бережной, словно хотела погладить, но тут же отдернула руку.

– Как же я тебя сейчас ненавижу, Верочка, – приветливо улыбнулась она, – а потому мне кажется... Нет, я даже убеж-

дена, что мы очень скоро станем лучшими подругами. Шу-чу, конечно, по поводу ненависти. Но как будущая лучшая подруга от души желаю тебе успехов с Павлом Андреевичем.

Алла направилась к своим гостям. Бережная смотрела ей вслед, отмечая, что владелица галереи двигается плавно, приветствуя знакомых одинаковым, видимо, отработанным перед зеркалом кивком. Звучала музыка, посетители с бокалами прохаживались вдоль стен с вывешенными на них полотнами, но Волохова нигде не было. Только какая-то очень бедно одетая женщина, которую Вера не заметила прежде, внимательно рассматривала картины.

Глава шестая

Бережная возвращалась в офис, а в голове крутилось: Андрей Андреевич, Андрей Андреевич, Андрей Андреевич... Хотелось сбросить это наваждение, но потом она поняла, что думает не про отца Волохова, а про старичка – ветерана ГУВД, который работает в музее городской милиции: она решила взять консультантом в свое агентство, но так и не сделала этого.

Не отрываясь от руля, она нашла в памяти телефона его номер.

– Верочка, – обрадовался тот, – наконец-то вспомнили старика!

– Да я и не забывала. Просто ждала, что вы подъедете оформить с нами договорные отношения. Нам очень нужны консультанты вашего уровня. Только где такого возьмешь. Я же предлагала...

– Забыли и забыли, – Андрей Андреевич продолжал делать вид, что не обиделся, – сейчас вам снова нужна моя помощь?

– А куда я без вас? Просто при мне зашла речь о прошлых годах и всплыла фамилия Кандейкин. Слышали про такого?

– Разумеется, – тут же подхватил Андрей Андреевич, а потом замолчал.

– Андрей Андреевич! – напомнила о себе Бережная.

— Я вам перезвоню через полчаса, — отозвался ветеран, — по шуму понял, что вы в машине и, вероятно, за рулем. А это дело опасное — надо за дорогой следить, а не отвлекаться на болтовню стариков.

Он и в самом деле позвонил ровно через тридцать минут.

— Докладываю, — начал Андрей Андреевич, — Кандейкин Константин Иванович, он же — преступный авторитет Кандид, 1925 года рождения, известный также как Костя Матрос, Черная Смерть и Челюскин, — личность легендарная, может быть, даже самая легендарная из тех, с кем мне лично приходилось иметь дело. Худой на вид, он был жилист и силу в руках имел необычайную. В неполные шестнадцать попал на фронт в составе батальона морской пехоты. Воевал, вероятно, хорошо, потому что имел помимо нескольких медалей орден Красной Звезды и два ордена Славы. Был представлен к третьему ордену, стал бы полным кавалером, что приравнивалось к званию Героя, но не получил, а пошел под трибунал за нанесение побоев командиру. Дело было в Польше в самом конце зимы, кажется. Наши войска ждали приказа о наступлении, но его не было, потому что не подошли резервы, а передовые части изрядно потрепаны. В батальоне, где служил Костя Кандейкин, осталось меньше половины личного состава. Комбат погиб, его место занял командир первой роты, а на должность комроты заступил, соответственно, старшина Кандейкин. И вот в расположение батальона при-

был некий подполковник из штаба дивизии и отдал приказ: форсировать речушку и атаковать передовые позиции врага. Говорил, что это надо сделать скрытно для противника, без поддержки артиллерии. Просто перебраться, захватить переднюю линию окопов и удерживать ее до подхода основных сил дивизии. Молодой комбат, конечно, возражал, но подполковник достал пистолет и пообещал расстрелять его на месте за трусость... Я не очень пространно?..

– Нет, нет. Я слушаю очень внимательно и с большим интересом.

– Тогда продолжаю. Короче, начали переправу. На лодочках, на плотах. Сотня человек всего – до берега добраться никаких шансов. Немцы обнаружили их только когда морские пехотинцы высаживаться начали. Попали они на замерзшее болото, что оказалось удачей, потому что все остальные подходы к немецким окопам были заминированы. Но ударили прожектора и сразу пулеметы... Потом ряды колючей проволоки. Удивительно, что кто-то прорвался в немецкие окопы. И тут началось! Перестрелка, рукопашная... И никакой огневой поддержки с нашей стороны. К утру все закончилось. Немецких трупов насчитали потом более четырех сотен, а наши полегли все, то есть почти все. Только четверо остались: Кандейкин и трое морпехов. По рации связались со штабом полка, а там и не в курсе, что за атака, кто приказал. Но переправиться все же успели. С подкреплением, пулеметами, минометами и даже с пушкой.

Тут враги опомнились и пошли в атаку. Плацдарм удалось удержать. Кандейкин был ранен, но его отправили не в госпиталь, а в штаб дивизии для объяснений. Там-то поняли, что к ним едет герой. Он доложил, и про того подполковника не забыл рассказать. Генерал тут же приказал оформлять наградные листы: комбату Героя посмертно, а старшине Кандейкину орден Славы первой степени. Вышел он забинтованный на крылечко, решил покурить в ожидании машины, которая его в госпиталь отвезет. А тут как раз тот самый подполковник. Чистенький, выбритый, трезвый, само собой. Увидел грязного матросика в бушлате и решил ему замечание сделать. А Кандейкин, поняв, кто перед ним, вломил этой штабной сволочи. Один раз и ударил, но сломал тому гаду челюсть и зубы выбил. Сразу под трибунал и приговор – расстрел, но потом высшую меру заменили на восемь лет лагерей. Могли бы и в штрафную роту, но там до первой крови, а значит, Костя Кандейкин скоро бы вернулся в свой батальон уже офицером, потому что за каждый орден Славы присваивалось следующее звание. Но на беду Кандейкина у того подполковника оказался в штабе фронта родной дядя, который настоял, чтобы по всей строгости советского закона... И отправился Кандейкин в солнечный Магадан, где стал Костей Матросом, а потом уж Челюскинцем...

– Почему Челюскинец?

– Челюскинцы? Они же ломом подпоясанные. Это бывшие военнослужащие, по разным статьям попавшие на зону:

за невыполнение приказа, за оставление позиций, кому-то шили мародерство – забрал сало и горилку у хуторянина, вот и получи свой срок. Но все эти люди, прошедшие войну, попав в лагерь, они решительно не принимали воровские понятия и порядки. Резали их нещадно, но и они, правда, в долгу не оставались. Силы были не равны, конечно. Бывших военных осталось немного, а те, кто выжил, притихли. Однако не Костя Кандейкин. Он, конечно, не один такой, но было их мало, и называли их «челюскинцами на льдине», как тех, что зимовали в Арктике, пока их самолетами не вывезли. Костю не трогали, вероятно, из-за его отваги, силы и честности. Но просидел он, как ты можешь догадаться, не положенные восемь лет, а восемнадцать. Летом шестьдесят второго ехал на поезде в родной Ленинград, где у него никого после блокады не осталось. Люди вокруг радостные, обсуждают решение двадцать второго съезда, на котором Хрущев пообещал всем построить через двадцать лет коммунизм. Короче, отправился Кандейкин в тамбур покурить, а войти не может. Смотрит, урки дверь подперли и пытаются обесчестить девочку молоденькую, та сопротивляется, но... Костя дверь вышиб и расшвырял всех четверых. Те за ножи схватились, полоснули его несколько раз, пока он их с поезда не сбросил.

Девушка оказалась тоже уроженкой Ленинграда. Ее мама беременной отправилась в эвакуацию на Урал. Но мама потом умерла, а девушка окончила школу и направлялась не в чужой для себя город, чтобы поступить в медицинский. Вме-

сте с Кандейкиным она ехала недолго – суток не прошло, как пришел наряд и забрал Костю. Как выяснилось, из четверых выжил один, он и показал, что на него и его друзей в поезде напал уголовник. Потом был суд, и только показания той девушки спасли Кандейкина от высшей меры. Но восемь лет он все же получил. Там еще и адвокат здорово помог. Тот и сам был фронтовиком, затребовал документы из армейского архива и обомлел от того, как герой не за что восемнадцать лет отмантулил.

– Так еще восемь лет все-таки дали?

– А куда деваться? Закон суров, но это закон.

– Дура лекс, сед лекс, – вспомнила латынь Бережная.

– Именно так, – согласился Андрей Андреевич, – однако на этом наша история не заканчивается. Отправили Константина Ивановича в Восточный Казахстан в лагерь при каких-то рудниках, а девушка следом за ним. Обосновалась в поселке неподалеку, устроилась фельдшером, поступила в медучилище и ждала. А потом уж они вместе вернулись в Ленинград. Ее родной дядя оказался жив и пустил их к себе, потому что был больным и одиноким. Девушка поступила в медицинский, о чем мечтала долгие годы. Кандейкин отправился работать на вокзал. Поженились они, разумеется. Вскоре дяди не стало, зато у Кандейкиных родился ребенок.

– Девочка, – подсказала Бережная.

– Кажется. Константин Иванович вроде как завязал со своим прошлым. Но мы-то знали, что авторитетный вор на

стуле ровно греться не будет. Ему или общак доверят, или в третейские судьи потянут, зная его кристальную честность. Но не было на него ничего. По крайней мере, осведомители об этом ничего не знали. А потом его жену, которая работала участковым врачом, зарезали в подъезде дома, куда она спешила по вызову. Забрали мелочь из сумочки, сережки из ушей.

– Ужас! – не выдержала Бережная.

– Это для тебя ужас, а для Константина Ивановича – страшное горе. Милиция, разумеется, опрашивала и его, но он молчал, да и не знал ничего. А потом в городе произошло тройное убийство – нашли мертвыми выдавших виды уголовников. При них были ножи, которыми они, судя по всему, пытались обороняться, но это им не помогло. Эксперт сказал, что удары были нанесены тяжелым предметом, но характер их нанесения – не сверху, а непосредственно в лицо – позволял считать, что бандитов убил ударом кулака человек невероятной силы. Расследование проводил я и сразу понял, кто это мог сделать. Пришел к нему один, без понятий, попросил рассказать. Но Константин Иванович только плечами пожал. Я осмотрел его одежду на предмет повреждений или следов крови, но ничего не нашел. Попросил снять рубашку. Он не сразу, но подчинился. Левая рука у него была перевязана. Я размотал бинты и увидел глубокую резаную рану – характерный след от ножа. Кандейкин, судя по всему, прикрылся тогда рукой и сам ударил. Ну, что мне оставалось

делать...

– Андрей Андреевич, – взмолилась Бережная, боясь услышать правду, – неужели вы...

– Ну да. Я посоветовал ему найти свидетелей на работе, которые подтвердят, что он получил эту рану на вокзале, зацепившись за какой-нибудь крюк за пару дней до гибели жены. Кандейкин тогда молча кивнул, а я ушел. Добавлю только, что все время, пока я находился в их малюсенькой темной квартирке, за стеной в своей комнате тихо плакал ребенок. Плач этот стоял у меня в ушах так долго, что, выйдя со двора на улицу, я остановился, прислонился спиной к грязной стене и закурил. Одну папироску, другую. Потом из того двора вышел мальчик лет двенадцати – очень приличный, хорошо одетый. Он посмотрел на меня и бросился бежать. А я ведь даже не в форме был. Возможно, этот мальчик находился в квартире Константина Ивановича в то время, когда я его опрашивал.

– Мне кажется, я даже знаю имя этого мальчика, – сказала Бережная.

Она замолчала, Андрей Андреевич тоже. Наконец он произнес:

– Вот и все, что мне известно по вашему вопросу касательно личности заинтересовавшего вас Кандида.

– Погодите, – вспомнила Вера, – а кто ему такое прозвище придумал? Понятно, что по созвучию с фамилией. Но ведь надо было знать, что у Вольтера есть повесть с названием

«Кандид, или Оптимизм». Разве кто-то из уголовников мог читать Вольтера?

– В лагерных библиотеках и не такие авторы встречаются, хотя... Может быть, конечно, что рядом с Кандейкиным на соседней шконке парился образованный человек, который, поразившись его волей к жизни и несгибаемостью, назвал Константина Ивановича именно так. А потом это погоняло стало основным. Если у вас все, Верочка...

– У меня не все. Завтра, а лучше сегодня после работы заскочите ко мне в офис, подпишем с вами договор. Один раз вы уже помогли нам, и сегодняшняя информация, как мне кажется, тоже поможет. Так что до встречи...

– Погодите! – закричал Андрей Андреевич, – еще не все. Помните того подполковника, который отправил героя-морпеха на кичу? Так вот, он тоже сгинул в лагерях, там же, на Колыме. Не знаю, был ли он в одном лагере с Кандейкиным, но повесился, не выдержав и года заточения. Его осудили года через три после войны вместе с дядей, инкриминировав торговлю военными трофеями, которые они вывозили вагонами и грузовиками: картины, антиквариат, хрусталь, старинную мебель, ковры, шубы... Было такое «дело генералов», если вы помните.

– Не помню, но знаю.

Глава седьмая

– Про Волохова ничего нового, – сообщил Окунев, как только вошел в кабинет, – но про Пола Рейна информация имеется. Он – соучредитель многих предприятий, и это не подставные фирмы, не сливные бачки, а очень уважаемые крупные фирмы. Вообще его долгое время считали биржевым спекулянтом. Особенно после того, как лет пять назад резко подскочило в цене черное золото, и вдруг выяснилось, что его фирмы приобрели на биржах за полгода до этого фьючерсы на нефть. Прибыль была едва ли не стопроцентная. Кроме того, многие аналитики считают, что те же самые фирмы стоят за покупкой золота и других ценных металлов, действуя по поручению некоторых правительств, которые по разным причинам скрывают истинные размеры золотовалютных запасов своих стран. В отношении золота все ясно – это традиционное обеспечение национальной валюты, а что касается палладия или, скажем, родия, то тут возможны варианты. Стоимость этих металлов значительно выше платины и золота, и не всегда объем их запасов учитывается при оценке резервов. Россия – крупнейший производитель палладия в мире, объем добычи с каждым годом растет. А в ЮАР добыча падает, причем мировая торговля этим металлом с каждым годом увеличивается. Многие эксперты считают, что есть и крупный независимый поставщик,

за счет добычи которого объем продаж растет, цена при этом не падает, а только увеличивается. Если такая транснациональная компания и в самом деле существует, во что не верят большинство специалистов, то это бизнес каких-то уж совсем криминальных структур или... Короче говоря, мировое правительство и в самом деле существует. Что же касается родия, то его стоимость настолько высока, что он может стать объектом какой-то игры. Сейчас она значительно упала, но лет десять назад за один грамм давали триста долларов. Он востребован разными отраслями промышленности, не говоря уже о ювелирном деле. Если его продажи придержать на какое-то время, то стоимость вырастет мгновенно.

– Погоди, Егорыч, – остановила подчиненного Бережная, – зачем так подробно? Это разве имеет какое-то отношение к нашему делу?

– Пока не знаю, но Волохов окончил экономический факультет Горной академии, каким-то образом связан с биржами и очень богатый человек.

– Я думаю, что он богаче, чем мы думаем, – согласилась Вера, – у него своя служба безопасности, но по каким-то причинам Павел Андреевич обратился именно к нам.

Она сказала это и поняла, что ждет звонка от Волохова. Ведь наверняка он пригласил ее на этот вернисаж не для того, чтобы показать работы никому не известного художника. Наверняка собирался поговорить или сообщить что-то дополнительно, но вместо этого познакомил ее со своей любов-

ницей и тут же исчез. Возможно, это знакомство и было его целью. Зачем это ему? Можно, конечно, набрать его номер и поинтересоваться, но лучше этого не делать. Во-первых, у нее пока нет никаких результатов по поискам неизвестной девушки, а во-вторых, была ли она на самом деле? Не выдумал ли ее Волохов? Ведь невозможно исчезнуть из запертой квартиры, не попасть при этом под камеры видеонаблюдения и вообще не оставить свидетелей, которые опознали бы ее. Похоже, Павел Андреевич действительно общался с призракoм... И вообще, немного странным кажется и то, что очень богатый человек, имеющий свою службу безопасности, обращается к Вере за помощью. Неужели он не доверяет своему окружению? Или предполагает заговор против себя? Обеим своим женщинам он точно не доверяет, раз расстается с одной, а потом почти сразу и с другой. Алла еще сказала, что Анжелика обещала убить Волохова, хотя практика показывает, что подобные обещания редко претворяются в жизнь. Если кто-то и в самом деле планирует убийство, то вряд ли будет об этом заявлять. Но встретиться с хозяйкой галереи и поговорить с ней на эту тему необходимо...

Включился сигнал селектора.

– Вера Николаевна, к вам Волохов, – сообщил дежурный по офису.

Павел Андреевич вошел в кабинет с букетом роз. Протянув его, он сказал: это в качестве извинений за то, что он ее

покинул на вернисаже.

– Так я и не обиделась. Приятно провела время.

– Понравились картины? – удивился Волохов.

– Я оценила ваш вкус и юмор, – сказала она.

Волохов сделал удивленное лицо.

– Вы об экспозиции?

– Нет, о вашей знакомой. Алла вполне обаятельна и умна, не курит, однако...

– Ах, вы вот о чем? Я не собирался знакомить, просто представил вас друг другу, не предполагая, что вы будете так долго общаться. Только при чем здесь мой юмор?

– Мне показалось, что вы решили пошутить, познакомив нас и исчезнув. К тому же существует еще и Анжелика, знакомство с которой не входит в мои планы – думаю, обе ваши возлюбленные не имеют никакого отношения к призраку, посетившему ваш дом по вашему же приглашению. На самом деле, интересно: Дон Гуан пригласил на свидание каменный памятник Командора, а вы пошли еще дальше, позвав в свой дом памятник донне Анне.

Волохов напрягся и немного побледнел.

– В другое время я бы посчитал это за оскорбление, но, может быть, вы близки к истине. Я потому и мучаюсь, что мне показалась знакомой эта девушка, но я не знаю ее, не знал и никогда ранее не видел. Едва ли я помню все наши с ней ночные разговоры... то есть не помню их вовсе. Помню, что говорил, когда позвал ее, потом как предлагал выпить, но

после – туман в голове. Но мне кажется, она рассказывала о Духе реки, который появляется на какой-то горной равнине и пугает пастухов. Те, кто убегают, остаются живы, а самые смелые пропадают.

– Название реки называла?

– Да, но я не запомнил, потому что оно было на неизвестном мне языке. Якобы девушка в белом поднимается ночью из потока, выходит из воды, идет к пастухам, которые пригоняют овец на водопой, протягивает к парням руки, и тех сразу охватывает жуткий страх.

– И что она говорит?

– Вот вам смешно, но моя гостья рассказывала это так, что у меня холодок по спине пробежал. Дух реки говорит одну и ту же фразу: «Вернись, любимый!» Самое страшное, что девушка – Дух реки – по мере приближения начинает увеличиваться в размерах. По описанию очевидцев, до семи метров в высоту.

– Интересно, конечно. Но давайте о вашем деле. Вы мне показали одну свою подругу, есть и вторая, с которой вы, насколько мне известно, не встречаетесь какое-то время, но появиться на вашем горизонте она может в самое ближайшее время. Встреча с ней вам ничем не угрожает, потому что Лика вряд ли станет семиметровой, однако...

– Можете иронизировать, но соглашусь, встреча с Ликой меня не страшит, как и с любой другой красивой женщиной, включая вас. Вас, вероятно, покорило, что я встречался с

такими простыми девушками, содержал их, хотя мог бы выбрать более достойных. Но те предполагают другие отношения, возможно брак, а я к нему не готов и сейчас.

– Просто не любили никого, – напомнила Вера.

Павел Андреевич промолчал.

– А Люду Кандейкину любили?

Волохов удивленно вскинул брови, но не произнес ни слова.

– Я к чему, – продолжила Бережная, – просто, когда вы пришли к ним в дом, чтобы утешить вашу одноклассницу, убитую горем после гибели матери, и невольно стали свидетелем того, как Константина Ивановича допрашивал следователь, а потом, выйдя из двора на улицу, застали следователя курящим, вдруг убежали... Вам что – захотелось его убить?

– Да, – признался Павел Андреевич, – именно убить. Мне захотелось наброситься на него и бить, бить до тех пор, пока он не сдохнет. Желание было таким сильным, что я не мог его сдержать, сжал кулаки и шагнул к этой ищейке, но в последний момент проснулось сознание, я смог развернуться и убежать.

– Так вы любили Люду?

– Милу, – поправил Волхов, – весь класс называл ее Людой, отец – Люсей, а она сама просила называть ее так же, как звала ее мать, – Милой. Любил или не любил – не знаю. Но мы с ней дружили и скрывали это от всего класса, хо-

тя там все понимали, но не подкалывали – я был не слабым мальчиком. Миле я нравился, я это чувствовал, а потом уж она сама призналась. Она постоянно искала моего общества, сама села за одну парту со мной. Потом, уже в пионерском возрасте, когда мне поручили выпускать стенгазету, попросилась в помощники. Газету делали у нее дома.

– Как ее папа реагировал?

– Помогал нам. Он свою Люсю любил больше жизни, боготворил ее. После восьмого года обучения нас разделили на два потока. Никто не сомневался, что я пойду в гуманитарный класс, потому что я уже тогда очень хорошо знал английский, чуть хуже французский, итальянский, испанский – это мама меня натаскивала, она же была на кафедре романской филологии, думала, что и я по ее стопам пойду. Но я еще в школе решил выбрать экономический класс. Мила, соответственно, следом. И также она вместе со мной сдавала экзамены в Горную академию.

– Пять лет проучились вместе и все так просто закончилось?

– Закончилось все не просто. Я относился к ней как к хорошему другу, преданному, верному. Но как к другу. К тому же в нее по уши влюбился один наш сокурсник. Он ревновал ее ко мне, умолял как-то повлиять на Милу, чтобы она обратила на него внимание. Но и она относилась к нему только как к другу, не более. А я по глупости сошелся с одной третьекурницей. Что меня в ней привлекло – не знаю. Хи-

мия какая-то. Она была очень сексапильна, да и одевалась по тем временам дорого и вызывающе. И когда у нас с ней все случилось, третьекурсница тут же рассказала об этом Кандейкиной. Мила меня не простила. То есть готова была простить, но я не хотел быть прощенным.

– То есть это случилось и во второй раз, и в третий...

– Именно так, – согласился Волохов, – но когда я захотел очень скоро, чтобы все стало, как прежде, было уже поздно. Они с Русиком собирались пожениться.

– Русик, который потом стал Расселом Кайтом?

Павел Андреевич кивнул.

– Так они поженились?

– Нет, в последний момент Мила передумала. Потом она перевелась на вечернее отделение, надеялась, что мы не будем встречаться. Мы встречались, разумеется, но перебрасывались парой фраз и расходились. У меня не хватило силы духа, а может быть, смирения, чтобы вымолить у нее прощение. Однажды, правда, решился, когда долго ее не видел. Пришел к ней домой, позвонил. Дверь открыл Константин Иванович и сказал, что Люся болеет. Меня он попросил больше не приходить, добавив, что ко мне относится хорошо, но если я еще раз подойду к их двери, он закопает меня очень глубоко. То, что он выполнит свое обещание, я не сомневался. Потом я ушел в бизнес, продолжая оставаться студентом очного отделения. Мне удалось добиться свободного графика посещений, то есть я мог не появляться в институте

вовсе, сдавая экзамены в любое время. Учился я на «отлично», но не в этом дело. Просто многие узнали, что я перешел работать в инвестиционный фонд «Форвард», и стали обращаться ко мне, чтобы помог вложить ваучеры и накопления в какой-нибудь выгодный бизнес. Я не подводил.

– Каким образом вам удалось стать генеральным директором в девятнадцать лет?

– Помогли. В фонд меня пристроила мама, которая немного знала генерального. В свое время, когда генеральный директор фонда Эдуард Савич Коротич был комсомольским активистом, инструктором горкома комсомола, он приударял за моей мамой. И по старой памяти пообещал взять меня, ничего особенного, впрочем, не ожидая. Но я каким-то образом обратил на себя его внимание, он повысил меня до своего заместителя и даже с дочкой познакомил, надеясь, что я не устою. Я бы не стал с ней связываться, да и не собирался, но начальство есть начальство и, когда Софья Эдуардовна пригласила меня отметить ее день рождения в хорошей компании на их даче в Комарово, я согласился. Компания поздним вечером разъехалась, а я остался. Утром я отвез ее на своей машине... У меня к тому времени уже появился собственный автомобиль – вишневая «девятка», разумеется. Так вот, я подвез Сонечку Эдуардовну к Таврическому саду на экономический факультет университета, а потом рванул в наш офис на Синопскую набережную – благо это неподалеку. Вошел, не зная, как объяснить началь-

нику, если он спросит, чем я с его дочерью занимался минувшей ночью. По коридору навстречу мне прошли трое коротко стриженных парней в спортивных костюмах, при этом осмотрев меня с ног до головы и явно оценив. На мне ведь был дорогой костюм и обувь соответственно. В кабинете, поставив локти на стол и спрятав в ладони лицо, сидел Эдуард Савич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.